

В конце концов было принято решение разбить лагерь в другом месте, а именно на равнине, которая находилась вблизи подножия гор.

Жун Тянь проговорил:

— Изначально я думал, что тебе, вероятно, понравится великолепный пейзаж побережья реки Оман. — Мужчина, сделав паузу, блёкло добавил: — Однако место битвы и впрямь не самый лучший вариант.

Великолепная лагерная палатка с золотыми боковинами, конечно же, принадлежала им. Так как у Жун Тяня оставались кое-какие дела, которые требовали внимания, он позволил Фэн Мину спешиться.

— Отправляйся в палатку, а я скоро вернусь.

Юноша, махнув ему рукой, развернулся, а приближённые слуги уже подняли для него занавеску с вышитым символом императора. Близняшки вышли поприветствовать князя. Цю Юэ, обнажив очаровательные ямочки на щеках, звонко проговорила, не особо вдумываясь в слова:

— Цю Лань крайне расторопная, не успели разбить лагерь, как она уже отправилась готовить на временно построенную кухню. Князь Мин проголодался, но потерпите немного, скоро подадут ужин, и Вы славно перекусите.

Сняв с юноши накидку, девушки заботливо усадили князя. Вспомнив, что он недавно жаловался на боль в пояснице, служанки опустили на колени с двух сторон, чтобы растереть его больное место.

От умелых рук, что массировали его, Фэн Мин тотчас же почувствовал себя намного лучше и, конечно же, не мог не похвалить девушек.

Наслаждаясь заботой близняшек, князь задремал, однако вскоре до его слуха донёсся голос Цай Цин:

— Князь Мин, прошу, выпейте чая.

Фэн Мин, открыв глаза, увидел перед собой поданный чай. Взяв чашечку, юноша разомлевающим тоном проговорил:

— Я почти заснул, если бы ты не разбудила.

Цай Цин несколько испугалась и, опустив голову, словно комар пропищала:

— Цай Цин заслуживает смерти из-за того, что потревожила сон князя Мина.

Цю Юэ прыснула от смеха и, потянув девушку за руку, посоветовала:

— Хорошо, Цай Цин, только тебе не нужно делать осторожный и в то же время жалкий вид. Князь Мин вовсе не обидит тебя.

— Это я хотела, чтобы Цай Цин подала чай, специально разбудив князя Мина. — И Цю Син добавила: — Князь Мин ещё не ужинал, а если, воспользовавшись удобным случаем, уснёт на голодный желудок и заболеет от голода, то как быть тогда? Ещё не хватало, чтобы государь приговорил нас к смерти.

Стоящая в стороне Цю Юэ тотчас же выразила одобрение, кивнув.

— Теперь вы можете уняться, — посетовал Фэн Мин, а затем, внезапно выпрямившись, старательно втянул носом воздух и, нахмурив брови, сказал: — Чем это так вкусно пахнет?

Что-то загремело. Поднялась занавеска и послышался крик Цю Лань:

— Цю Юэ, скорее помоги мне! Ах, я обожглась!

— Иду. — И Цю Юэ, словно разноцветное облако, выпорхнула прочь, но вскоре девушка вместе с Цю Лань подала темно-медный поднос, от которого исходил приятный аромат.

Поставив медный поднос, Цю Лань старательно пососала палец:

— Очень горячий. Никак не думала, что даже через такую толстую ткань можно ещё и обжечься.

На что Цю Син пожаловалась, глядя на неё:

— Кто приказал тебе самой подавать? Столько охранников, позвала бы кого-нибудь из них, и всё.

— Это что? — У Фэн Мина от столь соблазнительного аромата уже слюнки потекли [1], а сам юноша попытался подсмотреть: — Ха? — Однако на подносе под тканью был чёрный кусок земли. Когда юноша был голодным, его мозг соображал лучше, и, пуская слюнки, князь спросил: — Неужели это цыплёнок «по-бедняцки» [2], о котором я рассказывал тебе тогда? Хм, действительно зажарен в глине, только незачем было его зажаривать до углей.

— Князь Мин не угадал. — Цю Лань, посмеиваясь, добавила: — Но я с большим трудом и

украдкой изучила этот способ приготовления, ах. Хоть это жареная курица, которая также «обвёрнута» глиной, но вкус у неё совершенно другой, да и способ обжига тоже отличается. Потому и запах... конечно же, абсолютно иной.

Говоря это, девушка развернула белую ткань и разломилась посередине горячую глину, сразу же выпуская благоуханный и соблазнительный аромат.

— Вкусно пахнет, вкусно пахнет! — Голодные кишки Фэн Мина от соблазнительного запаха завязались в узел, а сам юноша тотчас же засучил рукава, приготавливаясь к ужину.

Цю Лань самодовольно сжала губы и улыбнулась, а Цю Юэ спешно остановила Фэн Мина, сказав:

— Князь Мин, ну и ну, ужин аппетитен, но не до такой же степени. Только что Вы почти заснули, а сейчас умираете от голода. — Девушка, взяв серебряный ножичек, разрежала мясо в небольшой миске и подала Фэн Мину.

Стоящая в стороне Цю Син подала палочки для еды.

Юноша первым делом взял палочками большой кусок мяса и, отправив в рот, тщательно пережевал, его глаза внезапно заблестели:

— Вкусно! Никогда ничего вкуснее не пробовал. — Вновь взял палочками кусочек и, отправив в рот, невнятно проговорил: — Вы тоже можете попробовать, уверен, вам понравится. Да, кстати, оставьте ножку Жун Тяню.

Цю Син, колеблясь, оторвала кусочек и, отправив в рот, с недоверием сказала:

— Мне кажется, что она почти ничем не отличается от обычной курицы, немного пахнет жареным, и только.

Вскоре съев всё, что было в миске, Фэн Мин неоднократно просил Цю Юэ подложить ещё немного мяса и, обернувшись, обратился к Цю Лань:

— Начиная с завтрашнего дня, ты каждый день будешь готовить мне подобную еду. Умница Цю Лань. Как тебе удалось приготовить такую вкуснятину?

Цю Лань, прикрыв рот, сказала со смехом:

— Это я тайно изучила, а наставник — старый повар, который находится в повозке слуг Дунфань, что следуют за нами. По слухам, еда Дунфань очень вкусная, и у них есть множество рецептов блюд, которые Вы никогда не пробовали. Эти два дня я тайком пробовала блюда и

смотрела, как он готовит, запоминая этапы приготовления, и ещё ukrала у него несколько свёртков с приправами.

Цю Юэ, изменившись в лице, проговорила:

— Ты слишком неосторожна. Разве можно так бесцеремонно добавлять в еду князя Мина какие-либо приправы Дунфань?! Какие приправы ты использовала?

— Разве я могла быть неосторожной?! Эти приправы я дала посмотреть людям, знающим яды, поскольку боюсь, что может случиться несчастье, но эти приправы оказались безвредными. Потому лишь немного сдобрила ими блюдо в соответствии с компонентами, и только. — Цю Лань поморщила очаровательный носик: — Однако это секретное средство царствующего дома Дунфань для укрепления здоровья: в приправах использовано много редких целебных трав, а глина, в которой я запекала курицу, была смешана со свежей кровью оленя, поэтому она такая тёмная.

Цай Цин робко вставила слово:

— Кровь оленя очень полезна для слабого здоровья, в моих родных краях после того, как женщина родит, мужчина вскоре уезжает на охоту, где ловит живого оленя и, взяв его кровь, даёт испить своей женщине. Я, когда родила Цай Цяна, тоже тайком попросила повара, чтобы после убийства оленя он сцедил миску крови и дал её мне.

Фэн Мин, хмыкнув, кивнул и сказал:

— Когда заговорили об этом, я действительно почувствовал лёгкий привкус крови, только вкус и впрямь отдаёт свежестью и мясо совершенно не кажется сырым.

Разговор был в самом разгаре, когда снаружи раздался голос охранника, который сообщил о визите Лу Даня.

— Скорее пригласи его войти.

Лу Дань сегодня вновь был облачён в светло-голубой халат, красивые глаза мужчины были ещё прекраснее, чем раньше. Войдя в палатку, господин советник мягко улыбнулся Фэн Мину:

— Лу Дань внезапно услышал, что император Силэй на время приостановил поездку, однако Лу Даню не сказали в чём причина, потому-то он специально пришёл, чтобы спросить об этом.

Конечно, объяснять господину советнику дело, касающееся Ле-эра и Юн И, не имело необходимости, потому Фэн Мин, выражаясь неясно, проговорил:

— Незачем слишком стремительно мчаться в Дунфань, пейзаж в начале зимы довольно славный, и у меня впервые в жизни выпала возможность полюбоваться им, находясь в пределах Юнъинь. — Приказав Цю Лань подготовить подушку для господина советника, Фэн Мин вытянул руку, приглашая Лу Даня сесть на неё. — Прошу господина советника сесть. Как?! Господин советник только что помылся? От Вас исходит превосходный аромат.

Фэн Мин старательно несколько раз вдохнул исходящий от мужчины аромат, замечая, что самому Лу Даню стало несколько неловко, только тогда юноша понял, что только что прозвучавшие слова больше напоминали лёгкий намёк. Он, Лу Дань, такой красивый человек, наверняка постоянно подвергался домогательству со стороны похотливых мужчин, и кто знает, может, испытывал крайнее отвращение, когда кто-то чужой восхвалял его. Подумав об этом, Фэн Мин тотчас же крайне неловко засмеялся и, сменив тему разговора, спросил:

— Господин советник ужинал?

Лу Дань, вольготно опираясь на мягкую подстилку, рукой подпёр щеку и, посмотрев на Фэн Мина пристальным взглядом бездонных глаз, легко улыбнулся, обнажая белые аккуратные зубы:

— Мысли князя Мина отпечатываются на его лице и наверняка отличаются от дум императора Силэй. Я действительно только что помылся, и тот аромат, о котором сказал князь Мин, вероятно, принадлежит лаванде. — Мужчина непринуждённо потянулся, это выглядело настолько очаровательно, что даже стоящие в стороне близняшки вытаращили глаза от восхищения. После чего Лу Дань вновь заговорил: — Наиболее неприятно, когда кто-то заводит разговор о моей внешности, поскольку они, говоря о ней, испытывают ненависть ко мне. Только князь Мин не такой, глаза князя Мина чисты, и в них нет чувства отвращения, к тому же... — Взгляд бездонных глаз смерил юношу с ног до головы, а сам Лу Дань, внезапно многозначительно подмигнув, приглушённо сказал: — Лу Дань уверен, что даже если князю Мину позволено делать всё, что заблагорассудится, то князь Мин совершенно ничего не сделает с Лу Данем.

Эти слова были сказаны таким загадочным тоном, что даже Цай Цин смогла понять скрытый в них смысл.

Лицо юноши стало почти лиловым, а сам он крайне пристально уставился на Лу Даня:

— Господин советник сейчас... сейчас... — Фэн Мин никогда не думал, что такой красивый мужчина, как Лу Дань, способен произнести такие смелые слова.

— Лу Дань уже ужинал, и князь Мин, похоже, тоже. — Не принимая во внимание неловкий вид юноши, Лу Дань по-прежнему держался свободно и непринуждённо. Вытянув шею и посмотрев на стоящий на квадратном столике тёмно-медный поднос, где лежала полусъеденная Фэн Мином курица, мужчина с изумлением проговорил: — Это блюдо очень похоже на то, что готовят у нас во дворце. Удивительно, оказывается, кроме нашего повара, есть ещё кто-то, кто знает способ его приготовления. Что ж, это очень полезное блюдо, помогающее укрепить

здоровье, и его лучше есть тому, кто слаб. Сюда добавляли свежую кровь оленя?

От услышанного Цю Лань высунула язык, кажется, её тайные уроки кулинарии были раскрыты, только сейчас это уже было неважно, ведь рядом находящийся князь Мин, разумеется, никому бы не позволил причинить ей вреда, потому девушка кивнула, говоря:

— Верно.

Лу Дань, не сказав ни слова, поднялся с места, с изящными манерами подошёл к выходу, открыл занавеску и посмотрел на небо:

— Время уже позднее, Лу Даню следует вернуться к себе. — Он обернулся к по-прежнему красному и охваченному смятением Фэн Мину и, распрощавшись, плавно и легко вышел из палатки.

В лагерной палатке воцарилась тишина, которая спустя некоторое время была прервана чьим-то вздохом. Цю Юэ, цокая языком, проговорила:

— Этот господин Лу Дань и впрямь очень очаровательный, к тому же... к тому же...

— К тому же перед ним невозможно устоять.

— Верно. — Цю Юэ непрерывно вторила сестре, переместив взгляд, девушка краем глаза заметила Цай Цин: — Цай Цин, чего ты хихикаешь?

Беззащитная Цай Цин вздрогнула от шумной Цю Юэ. Прижав от страха руку к груди, служанка неловко опустила голову и, смеясь, сказала:

— Только что, поглядев на величественного господина советника, я лишь подумала... Проводя ночи вместе, кто сверху — господин советник или император Дунфань?

Внезапно раздалось лёгкое фыркание, на этот раз всё же Цю Лань не выдержала и, смеясь, посмотрела на Фэн Мина. Сам же юноша, от неловкости вздрогнув всем телом, предупреждающе сказал:

— Цю Лань, в твоей голове не возникли какие-либо непристойные сцены, связанные со мной?

— Как Цю Лань может осмелиться? — Девушка прикрыла рот ладонью, а в глазах читалось игривое лукавство. — Ваша служанка лишь подумала: если такой красивый мужчина, как господин советник, по возможности может быть сверху, то всё же есть огромная надежда, что и князь Мин когда-нибудь окажется сверху императора Силэй.

— Что за возможность быть сверху? — В это время, подняв занавеску, в палатку широким шагом вошёл Жун Тянь. Фэн Мин находился в безысходном положении и был не в силах «отразить удар», однако, увидев мужчину, тотчас же подпрыгнул и специально помрачнел от злости: — Сказал, что ненадолго, так почему только сейчас вернулся?

Служанки, увидев, что Жун Тянь вернулся, не посмели больше произнести ни слова, поприветствовав, девушки спешно сняли с императора Силэй накидку, помогли сменить верхнюю одежду и, тактично отступив, покинули палатку.

— Какое-то время не виделись, так почему сразу же злиться? Хм, когда ты сердишься, то краснеешь и становишься привлекательнее, чем обычно. — Удобно опираясь на большую подушку, что находилась рядом с Фэн Мином, Жун Тянь тотчас же обвил рукой тонкую талию юноши.

Ойкнув, Фэн Мин невольно упал в объятия императора Силэй. А сам Жун Тянь начал, извиняясь, объяснять:

— Поначалу предполагалось дать аудиенцию посланнику, который должен был приехать из дворца с докладной запиской, позволяя мне решить важный внутренний вопрос страны, только, неизвестно почему, он ещё не явился. Странно, придворные посыльные обычно без промедления привозят докладные. Неужели во дворце что-то случилось?

Грудь Фэн Мина без причины сдавило, а сам юноша с беспокойством спросил:

— Может, нам стоит вернуться и всё выяснить?

Жун Тянь, похлопав и ущипнув ставшую тотчас же влажной нежную щёчку юноши, сказал со смехом:

— Разве мой императорский дворец — это то место, в котором любой может строить козни? Там находятся генерал Тун Цзяньмин и мать-императрица, даже если там появится кто-то дерзкий, то они общими силами справятся с ним.

— В любом случае, во дворец стоит отправить кого-нибудь, чтобы всё разузнать. Государь покинул столицу, а возникшее промедление докладных — дурной знак.

— Уже отправил, не беспокойся. Однако ты, когда меня не было, чем занимался?

— Немного поел и повидался с Лу Данем. Да, кстати, Цю Лань приготовила отличную курицу, тебе осталась ножка...

— Не нужно говорить про куриную ножку, расскажи про Лу Даня. О чём вы с ним говорили?

— Ни о чём.

— Точно ни о чём?

— Точно.

— Тогда отчего твоё лицо стало настолько алым, что даже шея покраснела?

Двое мужчин прекратили говорить громко и перешли на шёпот. Горячее дыхание обожгло ушко Фэн Мина, щекоча его, отчего юноша втянул голову в плечи. Чувство усталости постепенно охватывало тело, юноша, зевая, невольно вытянул руки и крепко обнял шею Жун Тяня:

— Пойдём спать.

— Угу.

Сразу же юношу приподняли, обнимая, и двое мужчин переместились на уже разостланное служанками мягкое покрывало.

— Что это ты делаешь?!

— Ложусь спать.

— Не нужно давать волю своим желаниям, я правда очень устал.

— Немного подвигаемся, это поможет крепче уснуть.

Но в ответ молчание.

Лежащий снизу юноша, обращаясь к навалившемуся сверху мужчине, проронил лишь два слова:

— Бессовестный распутник.

Примечания:

[1] Дословный перевод используемой идиомы («слюнки потекли») — «даже указательный палец двигается», однако эту идиому при обозначении чего-то вкусного можно перевести как «пальчики оближешь», или «слюнки текут», или «объедение».

[2] Курица, запечённая в глине.

<http://bllate.org/book/13377/1190128>